

К. Харламповичъ.

Извѣстія
І. Гмелина
о Казани и о казанскихъ инородцахъ (1733).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1904.

К. Харламповичъ.

ИЗВѢСТІЯ

І. ГМЕЛИНА

о Казани и о казанскихъ инородцахъ (1733).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1904.

Печатано по опредѣленію Общаго Собранія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *Н. Горталовъ.*

Извѣстія I. Гмелина о Казани и о казанскихъ инородцахъ (1733).[1]

Профессоръ химіи и натуральной исторіи с.-петербургской академіи наукъ, Іоаннъ Георгъ Гмелинъ [2]) посѣтилъ Казань въ 1733 г. проѣздомъ на дальній востокъ въ качествѣ участника второй камчатской экспедиціи. Кромѣ него въ составъ экспедиціи вошли Лудовикъ Делиль де-ля-Кройеръ, профессоръ астрономіи въ той же академіи, и Герардъ Фридрихъ Миллеръ, профессоръ исторіи и географіи, пять студентовъ, четыре землемѣра, переводчикъ, живописецъ, рисовальщикъ, инструментный ученикъ и 12 конвойныхъ солдатъ.

Въ предѣлахъ казанской губерніи ученые провели цѣлыхъ два мѣсяца (съ средины октября до средины декабря) и боль-

---

[1]) Доложено въ собраніи членовъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ 10 ноября 1903 г.

[2]) Гмелинъ родился въ 1709 г., въ Петербургъ прибылъ въ 1727 г., въ 1731 г. получилъ профессуру. Дальнѣйшая его судьба по возвращеніи изъ десятилѣтней камчатской экспедиціи (1733—1743) такова. Уѣхавъ въ 1747 г. въ Тюбингенъ въ годичный отпускъ, онъ просилъ отсрочки, затѣмъ—остался навсегда въ Германіи, гдѣ и скончался въ 1755 г. За четыре года до смерти, въ 1751 г., онъ напечаталъ въ Геттингенѣ въ четырехъ томахъ свое описаніе путешествія по Сибири (Reise durch Sibirien), возбудившее большіе толки и неудовольствіе противъ автора. Это почти забытое сочиненіе, имѣющее большое значеніе для исторіи Сибири (П. Пекарскій, Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, т. I, 448. 449), представляетъ нѣкоторый интересъ и для исторіи Казани и казанскаго края: имъ посвящены въ I томѣ стр. 43—102. Историкамъ Казани Гмелинъ тоже мало извѣстенъ.

шую часть этого періода—въ Казани, гдѣ ихъ задержало бездорожье и ожиданіе саннаго пути. Своимъ пребываніемъ въ Казани ученые хотѣли воспользоваться для наилучшаго изученія Казани и края во всевозможныхъ отношеніяхъ, но сдѣлали меньше, чѣмъ сколько хотѣли, вслѣдствіе полнаго равнодушія къ ихъ интересамъ казанской губернской канцеляріи. Профессора обратились къ ней за содѣйствіемъ въ самый день своего прибытія въ городъ, 20 октября, но отвѣта дождались ровно черезъ мѣсяцъ, 20 ноября, послѣ третьей своей промеморіи, послѣ ежедневныхъ напоминаній чрезъ посылаемаго въ канцелярію человѣка и послѣ просьбъ о понужденіи—предъ губернаторомъ Платономъ Ивановичемъ Мусинымъ—Пушкинымъ (1730—1735), б. студентомъ нѣмецкихъ университетовъ. Правда, имъ недолго пришлось ждать новыхъ квартиръ—только три дня, но и то имъ дали помѣщенія, не удовлетворившія ихъ: кромѣ того, что они были въ разныхъ мѣстахъ города, путешественникамъ пришлось самимъ устраивать плиту (впрочемъ, тогда совсѣмъ не было въ Казани домовъ съ плитами), да и астрономическихъ наблюденій тутъ нельзя было производить,—ихъ Делиль долженъ былъ совершать съ большой трудностію въ одной изъ кремлевскихъ башенъ.

Кромѣ удобныхъ квартиръ путешественики 20 окт. требовали у губернской канцеляріи помощи по многимъ другимъ пунктамъ, и прежде всего—1) доставленія изъ мѣстнаго архива извѣстій по исторіи города и земли, о первомъ завоеваніи ея, о населеніи русскими жителями, о построеніи новыхъ городовъ, также штата о принадлежащихъ къ губерніи городахъ, о числѣ деревень, домовъ и крестьянъ, сколько подушныхъ денегъ платится ежегодно и сколько людей въ каждомъ городѣ и деревнѣ родилось и умерло въ послѣднія десять лѣтъ.—Канцелярія по этому пункту отвѣчала 20 ноября, что въ казанскомъ архивѣ нѣтъ свѣдѣній по исторіи края и о заселеніи его русскими; въ канцеляріи нѣтъ штата о населенныхъ мѣстахъ губерніи; о платежѣ подушныхъ извѣстіе имѣется на штапныхъ дворахъ, при сборѣ денегъ; о чис-

лѣ умершихъ и родившихся послана промеморія въ архіерейскій приказъ. Ничего этого ученые, конечно, не дождались, и Миллеру удалось добыть кое-какія свѣдѣнія о городахъ и пригородахъ губерніи только частнымъ образомъ у секретаря канцеляріи, каковыя и были затѣмъ отправлены въ Петербургъ.

2) Ученые просили сыскать имъ по одному—по два старыхъ и степенныхъ человѣка изъ каждаго племени, которыхъ можно было бы спрашивать объ ихъ вѣрахъ, жизни, торгахъ, промыслахъ, правахъ, обычаяхъ и исторіи, а для объясненій съ ними дать искусныхъ толмачей, которыми можно было бы располагать свободно, даже ѣздить съ ними по окрестнымъ деревнямъ.—Свѣдущихъ людей разныхъ племенъ канцелярія велѣла сыскать на штапныхъ дворахъ завѣдывающему подушными сборами и наборомъ рекрутъ секундъ-майору де-ля-Мотту; но и тутъ успѣха не было, а дожидаться, пока ихъ приведутъ изъ уѣздовъ, уже некогда было. Что же касается толмачей четырехъ мѣстныхъ нарѣчій, то хотя они отправлены были канцеляріей при промеморіи 20 ноября, но въ руки Миллера попали чрезъ нѣсколько дней, и Миллеръ, за неимѣніемъ случая къ другимъ изслѣдованіямъ, записалъ только важнѣйшія слова на мѣстныхъ языкахъ и перевелъ на черемисскій и чувашскій языки Молитву Господню. [1]) Отъ нихъ же Миллеръ узналъ коечто изъ того, о чемъ хотѣлъ разспросить свѣдущихъ людей.

3) Для осмотра достопримѣчательныхъ мѣстъ въ Казани и окрестностяхъ путешественники просили проводника, а для поѣздокъ—подводъ. 20 ноября члены экспедиціи сообщали канцеляріи, что проф. Миллеръ желаетъ съѣздить въ Болгары и въ деревни къ здѣшнимъ иновѣрнымъ народамъ.—Но доставленной ему 26 ноября подорожной на 6 подводъ [2]) проф.

---

[1]) Эти требуемые академическою инструкціей опыты чуждыхъ нарѣчій были напечатаны въ 1791 г. въ приложеніи къ Миллерову «Описанію живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко-то черемисъ, чувашъ и вотяковъ». На другіе языки переводы не были сдѣланы, такъ какъ прочіе толмачи «настоящаго понятія довольно не имѣли къ воспоможенію въ сочиненіи на оныхъ языкахъ такого же перевода» (стр. 29).

[2]) Подъ всю же экспедицію съ багажомъ требовалось 62 подводы.

Миллеръ уже не могъ воспользоваться, такъ какъ экспедиція нашла, что пора собираться въ дальнѣйшій путь, и такъ какъ покрывшій всю землю снѣгъ не обѣщалъ успѣховъ разслѣдованіямъ въ Болгарахъ. Къ тому же обѣщанный канцеляріей въ качествѣ чичероне отставной оберъ—офицеръ или дворянинъ совсѣмъ не былъ присланъ. Вмѣсто поѣздки въ Болгары Миллеръ срисовалъ и описалъ найденныя тамъ и хранившіяся у оберъ-комиссара адмиралтейства Н. Н. Кудрявцева старое стальное зеркало съ куфской надписью и нѣсколько древнихъ татарскихъ монетъ, а также списалъ найденные тамъ при Петрѣ в. (въ 1722 г.) надгробныя надписи на армянскомъ и татарскомъ языкахъ и указъ императора о храненіи ихъ и о реставраціи болгарскихъ развалинъ.

4) Экспедиція просила распорядиться доставленіемъ для ученыхъ занятій Гмелина выхухолей и живыхъ или недавно уснувшихъ рыбъ—осетра, бѣлуги и бѣлорыбицы. Канцелярія отвѣтила, что дала приказъ объ этомъ рыбакамъ казанскимъ, и они 28 ноября доставили трехъ выхухолей и осетра съ бѣлугой. Первые были куплены, а отъ послѣднихъ пришлось отказаться, такъ какъ они были мерзлые и потому неудобны для анатомическаго сѣченія, притомъ же за бѣлугу рыбаки просили очень дорого—10 р. [1]).

5) Просили ученые о снабженіи ихъ новымъ конвоемъ; эту просьбу канцелярія удовлетворила, но уменьшивъ число конвойныхъ, и только послѣ протеста ученыхъ восполнила штатъ конвоя.

6) 7 ноября члены экспедиціи просили, чтобы къ нимъ былъ присланъ для принятія инструментовъ для метеорологическихъ наблюденій и письменной инструкціи зилантовскій учитель изъ кіевлянъ Василій Григорьевъ (т. е. Григоровичъ—Пуцекъ),

---

¹) Тотъ же Н. Н. Кудрявцевъ подарилъ Гмелину и Миллеру нѣсколько камней изъ головы бѣлуги. (Пекарскій, Жизнь П. И. Рычкова, 89).

изъявившій желаніе продолжать эти наблюденія послѣ отъѣзда экспедиціи.—На это губернская канцелярія отвѣтила, что она сама призоветъ учителя и спроситъ объ его согласіи, а потомъ пришлетъ его, при этомъ обѣщала пересылать его мѣсячные рапорты въ высокоправительствующій сенатъ, какъ этого хотѣли ученые. Но пока канцелярія собралась допросить Григоровича, ученые сами 24 ноября дали ей знать, что ему производство метеорологическихъ наблюденій не разрѣшено его начальникомъ, зилантовскимъ архимандритомъ [1]), за неимѣніемъ на то указа архіепископа, [2]) и что они для этого дѣла пригласили учителя городской школы Семена Куницына, котораго и просили прислать къ нимъ. 27 ноября учитель этотъ, дѣйствительно, явился и получилъ отъ ученыхъ термометръ, барометръ, компасъ и анемоскопіумъ („приборъ для познанія вѣтровъ") съ наставленіемъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ, а самъ далъ письменное обязательство. [3]) Объ этомъ Куницынѣ члены экспедиціи доносили 8 дек. въ высокоправительствующій сенатъ, при чемъ, сообщивъ, что онъ года два не получалъ жалованья, ходатайствовали, чтобы оно ему было выдано, иначе онъ по нуждѣ можетъ быть удержанъ отъ исполненія принятаго на себя дѣла, а еще большее усердіе и

---

[1]) Это былъ Епифаній Адамацкій, тогда префектъ семинаріи, помѣщавшейся въ зилантовскомъ монастырѣ. Оба они незадолго до того прибыли изъ Кіева.

[2]) Архіепископомъ былъ Иларіонъ Рогалевскій, жившій въ то время въ Петербургѣ.

[3]) Т. о. офиціальное донесеніе Миллера о томъ, что метеорологическія наблюденія были поручены, съ разрѣшенія губернатора и архимандрита, зилантовскому учителю, оказывается невѣрнымъ (Мат. для ист. импер. акад. наукъ, VI, 286.) С. Куницынъ, учитель цифирной школы, жилъ въ Казани съ 1716 г., когда она открыта; упоминается въ послѣдній разъ въ 1738 г. (см. наши Матеріалы для исторіи казанской дух. семинаріи въ XVIII в., Каз. 1903, стр. 59. 60.)—Объ ученой дѣятельности въ Казани членовъ камчатской экспедиціи читаемъ въ донесеніяхъ ихъ изъ Казани и Миллера изъ Екатеринбурга (Матер. для исторіи императорской академіи наукъ, т. II (1886), стр. 403—409 и т. VI (1890), стр. 282—286; ср. т. VIII (1895), стр. 195—196—перечень донесеній и вещей, написанныхъ и собранныхъ въ Казани и посланныхъ учеными въ Петербургъ.

охоту можно было бы возбудить у него выдачей сверхъ жалованья награды [1]).

Кромѣ указанныхъ ученыхъ работъ, профессора во время пребыванія въ Казани успѣли сдѣлать еще кое-что. Миллеръ получилъ отъ одного казанскаго купца рукописную исторію о Казанскомъ царствѣ, „которая сочинена отъ нѣкотораго чрезъ 20 лѣтъ у татаръ въ полону бывшаго и при взятіи г. Казани отъ царя Іоанна Васильевича свобожденнаго россіянина", и велѣлъ снять съ нея копію. [2]) Затѣмъ онъ привелъ въ порядокъ и послалъ въ Петербургъ географическое описаніе городовъ, слободъ, селъ и деревень по Волгѣ отъ Твери до Казани и историческія замѣчанія о церквахъ Углича и Нижняго Новгорода. Наконецъ, присутствіе въ городѣ киргизъ-кайсацкихъ аманатовъ, которыхъ везъ въ Петербургъ казанскій мирза, ген.-майоръ Алексѣй Тевкелевъ, знакомый Миллера по Петербургу, дало ему случай узнать и записать генеалогію фамиліи Абулхаиръ-хана. Гмелинъ въ это время производилъ магнитныя измѣренія и дѣлалъ приготовленія къ продолженію въ Казани послѣ ихъ отъѣзда метеорологическихъ наблюденій. Наконецъ, художнику Беркману было поручено снять генеральный проспектъ съ города и прилегающихъ мѣстъ, до самой Волги, а рисовальному мастеру Люрсеніусу—проспектъ зилантовскаго монастыря съ около лежащими деревнями и слободами.

Знакомство ученыхъ путешественниковъ съ достопримѣчательностями города началось 22 октября [3]). Въ этотъ день, утромъ, губернаторъ, которому они представились наканунѣ, далъ имъ знать о предстоящемъ торжествѣ въ честь Казанской иконы Божіей Матери. Они поспѣшили въ его домъ, но встрѣ-

---

[1]) Мат. для ист. импер. акад. наукъ, II, 397. 398.

[2]) Копія Миллера—одинъ изъ полутораста извѣстныхъ нынѣ списковъ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» (см. Г. З. Кунцевичъ, Исторія о Казанскомъ царствѣ, Спб., 1901). Впервые эта «Исторія» была напечатана въ 1791 г. «Иждивеніемъ Импер. академіи наукъ».

[3]) Дальнѣйшее есть пересказъ изложеннаго Гмелинымъ.

тили его уже на лѣстницѣ: онъ направлялся, въ сопровожденіи виднѣйшихъ лицъ въ городѣ, въ каѳедральный соборъ. Ученые присоединились къ его свитѣ. Въ соборѣ нашли уже архимандрита, заступавшаго бывшаго въ Петербургѣ архіепископа, двухъ игуменовъ и прочее духовенство въ торжественномъ богослужебномъ одѣяніи. Тутъ духовные стали въ извѣстномъ порядкѣ и крестнымъ ходомъ всѣ направились къ женскому монастырю; евангеліе и иконы были несены впереди архимандрита, позади же всего духовенства шелъ губернаторъ со свитой. Предъ воротами монастыря было прочитано евангеліе. Въ это время изъ монастыря вышла настоятельница съ нѣсколькими монахинями, въ преднесеніи Казанской иконы Божіей Матери. Она написана на доскѣ держащей въ правой рукѣ Младенца Іисуса; изображеніе украшено короной и ожерельемъ, которыхъ великолѣпіе такъ велико, что одна только ювелирная работа обошлась въ 300 р. Образъ Божіей Матери явился нѣкогда одному здѣшнему духовному во снѣ и представился столь живо, что онъ, умѣя рисовать, на другое утро перенесъ его при помощи красокъ на доску [1]). Послѣ привѣтствія „женскаго духовенства" губернатору процессія съ св. иконой направилась въ монастырскую церковь, гдѣ икона и была водворена на свое мѣсто и тотчасъ было позволено прикладываться къ ней. Вслѣдъ за тѣмъ однимъ священникомъ была произнесена въ честь Казанской Божіей Матери проповѣдь. Ораторъ по временамъ воспламенялся такой любовью къ иконѣ, что не могъ удержаться, чтобы не подойти къ ней и не облобызать ее набожно. По окончаніи проповѣди была совершена литургія. Въ теченіе всего богослуженія къ иконѣ

---

[1]) Въ дѣйствительности исторія Казанской иконы Божіей Матери не такова. Важно однако дѣлаемое Гмелинымъ по поводу сообщеннаго имъ извѣстія замѣчаніе, что въ этой странѣ (въ Россіи) среди духовенства всегда были люди, умѣвшіе писать красками и приготовленіемъ иконъ значительно увеличивавшіе свой бюджетъ. О знакомствѣ казанскаго духовенства половины XVIII ст. съ живописью—см. въ нашихъ Матеріалахъ для исторіи казанской семинаріи, стр. 87, прим. 2.

приносили различной величины восковыя свѣчи и ставили ихъ на мѣсто зажженыхъ передъ тѣмъ. Такимъ образомъ здѣсь происходила постоянная смѣна свѣчъ. Огарки складывались въ ящикъ и составляли большую долю всѣхъ монастырскихъ доходовъ; на нее содержалась церковь.

При выходѣ изъ церкви путешественниковъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ. Былъ уже полдень и ученые охотно приняли предложеніе. Въ домѣ Кудрявцева [1]) они нашли уже большое общество, расположившееся въ двухъ комнатахъ, дамы отдѣльно отъ мужчинъ. Отдѣльно тѣ и другія и обѣдали. Кушанья были расчитаны на мѣстные вкусы. Питьемъ служило пиво, но усердно предлагалось и вино—бѣлое французское и красное астраханское, послѣднее безъ всякаго вкуса [2]). На обѣдѣ были провозглашены тосты за государыню и за императорскую фамилію, а также за мѣстнаго губернатора П. И. Мусина—Пушкина и за его родственниковъ кн. Дим. Мих. Голицына [3]) и за кн. Черкасскаго [4]), за послѣднихъ—въ стаканахъ меньшаго размѣра, чѣмъ за царскую фамилію. По окончаніи обѣда были поданы арбузы, орѣхи и пр. и пуншъ изъ плохой водки съ лимоннымъ сокомъ. Когда все общество порядочно разошлось, хозяинъ вызвалъ изъ другой комнаты жену, которая обносила гостей пуншемъ въ большомъ пивномъ стаканѣ, и отказаться отъ него—было бы большой неловкостью. Вслѣдъ за тѣмъ обносила гостей пуншемъ, по просьбѣ хозяина, генералъ-майорша Вдовина

---

[1]) Домъ Кудрявцева, бывшаго передъ тѣмъ казанскимъ вице-губернаторомъ, находился близъ теперешней воскресенской улицы, около церкви Николы Тульскаго (гостинодворской.—Д. А. Корсаковъ, Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в., 1891, 35, пр.).

[2]) Ученые купили для собственнаго употребленія мѣру (Galenok) бѣлаго вина, вкусомъ похожаго на яблочный сидръ, но покрѣпче, за 30 к., и за 25 к. мѣру французской водки, которая оказалась приправленной перцемъ. Вино въ Казань привозилось съ макарьевской ярмарки.

[3]) Кн. Д. Голицынъ—глава «верховниковъ» при воцареніи Анны Ивановны.

[4]) Это, вѣроятно, Алексѣй Михайловичъ, кабинетъ—министръ.

(Wittwerin), какъ почетнѣйшая изъ дамъ. Все это время играла полковая, очень недурная музыка (флейты, басы, фаготы). Затѣмъ начались французскіе и польскіе танцы, и тутъ только профессора получили возможность созерцать красавицъ, сидѣвшихъ доселѣ въ другой комнатѣ... Нѣкоторыя были очень неискусно нарумянены. Увеселенія продолжались до полночи, но путешественники удалились въ 7 ч. вечера.

Незадолго до отъѣзда, 9 дек., ученые были приглашены на обѣдъ къ губернатору. Тутъ было множество народу и немало духовныхъ, которымъ хозяинъ выказывалъ большое уваженіе. Столъ былъ заставленъ постными кушаньями. Было много тостовъ, но пить не принуждали. Послѣ обѣда былъ пуншъ изъ плохой вонючей водки, котораго ученые не пожелали пить. Затѣмъ они ушли домой.

Губернаторъ Пл. Ив. Мусинъ—Пушкинъ жилъ въ крѣпости, которую Гмелинъ считаетъ красивой и въ которой отмѣчаетъ каѳедральный соборъ, монастырь у входа въ крѣпость, построенный ц. Іоанномъ Грознымъ, цейхгаусъ, присутственныя мѣста и домъ комендапта. О послѣднемъ Гмелинъ сообщаетъ, что онъ—ревностный лютеранинъ, но не знаетъ никакого языка, кромѣ русскаго. Опровергая Олеарія, писавшаго, что татарамъ запрещенъ входъ въ кремль [1]), Гмелинъ говоритъ, что имъ необходимо даже бывать въ немъ, такъ какъ въ немъ находятся присутственныя мѣста, и что никто въ Казани и не знаетъ, чтобы когда-либо существовало такое запрещеніе.

Такъ какъ со стороны города открывался „преизрядный видъ" на зилантовъ монастырь, „который по нѣкоторомъ прежъ сего тамъ бывшемъ великомъ змѣѣ славенъ есть", то путешественники посѣтили 26 окт. и его. Они не говорятъ о пещерѣ, которую черезъ семь лѣтъ показывали другому

---

[1]) По Олеарію, татарамъ запрещено было селиться въ кремлѣ (Чт. моск. общ. ист. и древн. росс., 1869, I, 413).

ученому [1]), но сообщают очень интересныя подробности о находившейся тогда въ зилантовомъ монастырѣ казанской семинаріи (незадолго передъ тѣмъ переведенной изъ ѳеодоровскаго монастыря). „Мы, пишетъ Гмелинъ, встрѣтили тамъ архимандрита, который недавно прибылъ изъ Кіева, гдѣ онъ занималъ мѣсто профессора, и бесѣдовалъ съ нами по латыни [2]). Онъ принялъ насъ за философовъ и говорилъ намъ много о философѣ, котораго привезъ вмѣстѣ съ собою изъ Кіева. Мы страстно хотѣли видѣть его и скоро увидѣли: это была машина, имѣющая видъ цилиндра, на которой висѣлъ сюртукъ. Она имѣла голову съ узкимъ лбомъ, острымъ носомъ и блѣдными щеками. Около этой машины, которая вслѣдъ за тѣмъ была выдана за философа, стояли чувашскіе, черемисскіе, мордовскіе, калмыцкіе и татарскіе мальчики, которые этой машиной ежедневно были наставляемы въ философіи. Хотя они еще немного умѣли по русски, но машина эта ухитрялась какъ то вмѣстѣ съ языкомъ (русскимъ) сообщать имъ философію". Такое впечатлѣніе произвелъ на Гмелина учитель зилантовской семинаріи (вѣроятно, тотъ же Василій Пуцекъ—Григоровичъ) и въ такомъ смѣхотворномъ видѣ описалъ онъ его наружность. Съ отзывами и описаніями въ такомъ, болѣе веселомъ, чѣмъ злобномъ характерѣ, мы встрѣтимся и еще, и объясняются они молодостью ученаго: Гмелину тогда было только 24 года. Впрочемъ, хотя Миллеръ по поводу этой записи Гмелина въ его дневникѣ выразился, что ея характеръ едва ли можетъ понравиться, тѣмъ болѣе, что онъ дѣлаетъ и самое сообщеніе малопонятнымъ, и надѣялся, что она будетъ исправлена

[1]) 3 окт. 1740 г. посѣтилъ зилантовъ монастырь академикъ Ник. Іос. Делиль, возвращавшійся изъ Березова, и тутъ ему «архимандритъ, родомъ малороссіянинъ, оч. привѣтливый, показывалъ мамонтову кость и пещеру, гдѣ жилъ драконъ Зилантъ» (П. Пекарскій, Путешествіе академика Н. І. Делиля въ Березовъ въ 1740 г.).

[2]) Епифаній Адамацкій—такъ какъ рѣчь идетъ, конечно, о немъ—профессоромъ въ кіевской академіи не былъ. О немъ нѣкоторыя данныя см. въ Матеріалахъ для исторіи казанской дух. семинаріи, 70, прим. 1 и—по указателю.

при печатаніи [1]), печатное изданіе, сдѣланное чрезъ 18 лѣтъ, воспроизвело первоначальную запись, повидимому, безъ измѣненій... Гмелинъ, объясняя далѣе свою рѣчь, сообщилъ, что въ зилантовскомъ монастырѣ, какъ во многихъ другихъ, была школа и что въ ней видѣнные имъ мальчики обучались русской рѣчи и основаніямъ христіанской вѣры вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ и философіей. Выбраны они были опытными людьми при посѣщеніи ими инородческихъ деревень для того, чтобы изъ нихъ сдѣлать въ будущемъ проповѣдниковъ христіанства среди ихъ сородичей. При выборѣ обращено было вниманіе на наиболѣе бойкихъ, и среди нихъ было двое юношей, живости которыхъ ученые очень дивились и изъ которыхъ при хорошемъ руководствѣ могло бы выйти нѣчто великое. Такъ какъ ихъ готовили въ миссіонеры, то имъ не дозволяли быть вмѣстѣ съ мальчиками изъ русскихъ и кромѣ часовъ, когда они учились вмѣстѣ, имъ велѣно было все время говорить на ихъ собственныхъ языкахъ. „Мы желали слышать ихъ рѣчь—и это желаніе было исполнено, но мы оттого не сдѣлались мудрѣе... Для нашего удовольствія архимандритъ велѣлъ одному изъ инородцевъ прочесть стихи по русски и онъ сдѣлалъ это съ особенною охотой, безъ обычной робости и съ кіевскими ораторскими жестами. Мы оставили этого любезнаго архимандрита, заключилъ Гмелинъ, съ большимъ удовольствіемъ“.

О зилантовской семинаріи писалъ и Г. Миллеръ. Онъ замѣчаетъ, что русское „духовенство не упускало старанія“ „многократно повторенными представленіями и увѣщаніями склонять“ къ православію черемисъ, „токмо всѣ такія старанія и понынѣ были безплодны: а которые, и то малое число изъ нихъ, въ разныхъ мѣстахъ православную вѣру Греческаго исповѣданія и восприняли, то всѣ таковые большею частію съ младенчества въ воспитаніи взросли у русскихъ. Старики о

---

[1]) Матер. для ист. импер. академіи наукъ, VI, 284.

томъ совсѣмъ не хотятъ слышать. [1]) Ежели нынѣшнія учреждения въ зилантовомъ монастырѣ Казанской епархіи, гдѣ по указу Св. Синода для обученія малолѣтнихъ отроковъ изъ онаго языческаго народа первымъ основаніямъ Христіанскаго закона и Россійскому языку заведена семинарія, во время свое къ желаемому концу обратить сей народъ не сильны будутъ, то заподлинно можно сказать, что впредь мало надежды къ тому останется". [2]) Впрочемъ, Гмелинъ сообщаетъ, что и помимо зилантовской семинаріи дѣлались попытки болѣе основательной постановки миссіонерскаго дѣла. Гмелинъ передаетъ, что чебоксарскій воевода, котораго они спросили, обращаютъ ли чувашъ въ христіанство, отвѣтилъ, что теперь именно объ этомъ думаютъ, такъ какъ во всѣхъ городахъ этой страны предположены школы для молодыхъ чувашъ, которые, утвердившись въ нихъ въ христіанствѣ, обратили бы затѣмъ къ нему всю свою націю. Но пока съ распространеніемъ христіанства среди чувашъ не далеко ушли за недостаткомъ пригодныхъ миссіонеровъ. Если крещены доселѣ многіе чуваши, то въ большинствѣ случаевъ ими не можетъ хвалиться христіанская религія, и. ч. они принимаютъ ее или съ цѣлью избѣжать наложеннаго за что либо наказанія или чтобы воспользоваться льготами, предоставляемыми новокрещеннымъ.

Тѣ школы, о которыхъ говорилъ путешественникамъ чебоксарскій воевода, дѣйствительно, должны были носить миссіонерскій характеръ. Проектированы онѣ были въ 1732 г.

---

[1]) Въ донесеніи изъ Екатеринбурга Миллеръ объясняетъ неудачу православнаго духовенства въ обращеніи невѣрныхъ еще прозелитизмомъ мусульманскаго духовенства, хотя послѣднему всякая пропаганда и была воспрещена (Мат. для ист. имп. акад. наукъ, VI, 284)

[2]) Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ... (1791), 39. 40. Это сочиненіе было дважды напечатано еще при жизни Миллера: въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1756 г. и въ Sammlung der russischer Geschichte, B. III. Но въ своемъ донесеніи въ Петербургъ изъ Екатеринбурга Миллеръ говоритъ, что зилантовская семинарія устроена преимущественно для татарскихъ, черемисскихъ и чувашскихъ мальчиковъ (Мат. для ист. имп. акад. наукъ, VI, 283. 284).

казанскимъ архіепископомъ Иларіономъ. Неизвѣстно, въ скольких и какихъ городахъ губерніи первоначально предполагалось устроить ихъ, но по проекту, представленному въ 1733 г. архіепископомъ и казанскимъ губернаторомъ, число ихъ свелось только къ четыремъ: въ Казани, Цивильскѣ, Царевококшайскѣ и въ Елабугѣ. Хотя казалось бы, что цивильская школа будетъ служить исключительно для чувашъ, составители проекта предполагали обучать въ каждой изъ школъ по 10 чувашъ, какъ по 10 же вотяковъ и мордвовъ. Но этотъ проектъ былъ осуществленъ очень нескоро, да и то вмѣсто Цивильска школа устроена была въ Свіяжскѣ.

Посѣтили путешественники въ Казани и мечеть—одну изъ четырехъ, находившихся въ татарской слободѣ. Въ слободѣ этой процвѣтали, по замѣчанію Миллера, торговля и промышленность и жители ея очень вліяли на цифру народонаселенія всего города. Отъ послѣдняго татарская слобода отдѣлялась русской слободой, а между ними обѣими стояли рогатки. Въ свое описаніе посѣщенія мечети Гмелинъ тоже внесъ комическій элементъ,—ему казались смѣшными нѣкоторыя молитвенныя дѣйствія татаръ. Тѣмъ не менѣе оно даетъ довольно ясное представленіе объ устройствѣ мечети и ходѣ мусульманскаго богослуженія.

Обратилъ Гмелинъ вниманіе и на другія достопримѣчательности города, между прочимъ на красивый гостинный дворъ, каменный, со многими лавками и съ большимъ количествомъ товаровъ какъ мѣстныхъ, такъ и иностранныхъ. Цѣна послѣднихъ была почти та же, что въ Петербургѣ. Изъ лавокъ Гмелинъ отмѣчаетъ двѣ: аптекарскій магазинъ, хозяинъ котораго говорилъ съ учеными по латыни, но называлъ свои товары не совсѣмъ правильно, и москательную лавку; въ послѣдней висѣлъ между прочимъ ободранный и изрѣзанный барсукъ; желающіе получить барсучьяго сала (которое прежде употреблялось, какъ медицинское средство) указывали, откуда рѣзать его. Торговали въ гостинномъ ряду и татары, преимущественно персидскими (шелковыми) произведеніями.

Недалеко отъ гостиннаго двора находился рынокъ, гдѣ продавали яблоки, орѣхи, всякіе фрукты и гончарныя работы. Подальше былъ рынокъ съ санями и всякими повозками. Противъ татарской слободы находился сѣнной базаръ. Наконецъ, на краю города, гдѣ почти никто не жилъ, помѣщался мясной базаръ, на которомъ прежде было большое изобиліе мясныхъ продуктовъ, но съ наступленіемъ поста (рождественскаго) стало скуднѣе. На другомъ концѣ города находилась суконная фабрика, сооруженная русскимъ—Ив. Аѳан. Михляевымъ на императорскій счетъ. Михляевъ построилъ также на свой счетъ восемь каменныхъ церквей, семь приходскихъ и одну соборную (свв. Петра и Павла). Шерсть для этой фабрики доставлялась по царскому указу владѣльцами имѣній въ казанскихъ земляхъ, сукно же покупалось на казенный счетъ для войскъ. По сообщенію же Миллера солдатское сукно работалось на 96 станкахъ, а на остальныхъ 20—дѣлалась каразея. Владѣльцемъ фабрики въ 1733 г. былъ двоюродный братъ умершаго основателя Аѳ. Ѳеод. Михляевъ, по замѣчанію Миллера подававшій мало надеждъ. Миллеръ же сообщаетъ цифру рабочихъ на фабрикѣ—1128 ч. обоего пола [1]). Ближе къ центру города находился деревянный госпиталь для больныхъ казанскаго гарнизона, состоявшаго изъ трехъ полковъ.

Позади татарской слободы расположено озеро Кабанъ (Гмелинъ дважды назвалъ его озеромъ Булакомъ), изъ котораго чрезъ средину города течетъ рѣка Булакъ. Вода Кабана много лучше воды р. Казанки; нѣкоторые утверждаютъ даже, что послѣдняя вредна. По крайней мѣрѣ ея не употребляютъ для чая (вѣроятно, по ея жесткости, обусловленной большимъ процентомъ извести).

---

[1]) Матер. для ист. импер. акад. наукъ, VI, стр. 285. Здѣсь-же, 284—5, говорится о сафьянномъ производствѣ въ Казани и объ особенностяхъ его по сравненію съ таковымъ же астраханскимъ.

Общее впечатлѣніе отъ Казани у путешественниковъ составилось хорошее. Миллеръ назвалъ ее однимъ изъ наибольшихъ и лучшихъ русскихъ городовъ, могущимъ въ изобиліи удовлетворять всѣмъ видамъ человѣческихъ потребностей [1]. Интересно сопоставить съ этимъ отзывомъ отзывъ Н. І. Делиля: „Видъ города издали прекрасенъ, потому что въ немъ есть высокія и большія колокольни и другія каменныя зданія, но, за исключеніемъ ихъ, мѣсто оказывается предряннымъ" [2].

Извѣстія, сообщаемыя І. Гмелинымъ о казанскихъ инородцахъ, собирались имъ совмѣстно съ Миллеромъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ и съ которымъ въ путешествіи былъ почти неразлученъ. Но такъ какъ собираніе свѣдѣній о бытѣ, нравахъ, религіи и другихъ сторонахъ жизни инородцевъ не было его спеціальнымъ интересомъ, то онъ говоритъ о томъ меньше, чѣмъ Миллеръ, и въ отрывочномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе и то, что онъ даетъ, любопытно и само по себѣ, и потому, что опубликовано было раньше Миллеровскаго Описанія (послѣднее появилось въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ въ 1756 г.), и потому, что даетъ нѣчто противоположное Миллеровскимъ сообщеніямъ и даже не упомянутое Миллеромъ и неизвѣстное вообще этнографамъ и историкамъ, писавшимъ о казанскихъ инородцахъ. Reise durch Sibirien, I, совсѣмъ не указано въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ И. Н. Смирнова о черемисахъ (1889) и о вотякахъ (1890), въ обзорахъ литературы объ этихъ племенахъ, а также въ еще болѣе новой книгѣ П. Н. Луппова: „Христіанство у вотяковъ" (1899 и изд. 2—1901 г.).

Еще въ Казани Гмелину пришлось присутствовать при присягѣ новобранцевъ *татаръ*. Читалъ ее чиновникъ (Schreiber) по русски, вслѣдъ за тѣмъ мулла перевелъ ее на татарскій языкъ, причемъ новобранцы стояли на колѣняхъ; затѣмъ они цѣловали коранъ, который держалъ мулла. Даль-

---

[1]) Мат. для ист. имп. акад. наукъ, VI, 283. 284.

[2]) П. Пекарскій, Путешествіе акад. Н. І. Делиля въ Березовъ въ 1740 г.

нѣйшія наблюденія надъ татарами Гмелинъ сдѣлалъ и записалъ уже по выѣздѣ изъ Казани, въ попутныхъ, называемыхъ имъ, татарскихъ селеніяхъ. Онъ тутъ узналъ, что число женъ у татаръ обусловливается ихъ достаткомъ. Такъ, въ одной деревнѣ у хозяина дома, гдѣ они остановились, было четыре жены. Самъ хозяинъ въ это время былъ въ Москвѣ, и жены очень непринужденно держались съ гостями, хотя, при отсутствіи переводчика, говорить съ ними не могли. Онѣ угощали путешественниковъ, приходя къ нимъ, орѣхами и луковицами, которые приносили въ своихъ мѣшечкахъ и которые считали за лакомства, а путешественники угощали ихъ чаемъ и отдаривали сахаромъ, который эти дамы съ жадностью пожирали. Въ нарядахъ инородцевъ Гмелинъ обращаетъ преимущественное вниманіе на головные уборы женщинъ. И тутъ онъ говоритъ о старыхъ монетахъ и о кораллахъ, украшавшихъ головы татарокъ, и объ одной дѣвушкѣ, носившей волосы по русской модѣ. Въ нарядѣ замужнихъ женщинъ и мущинъ Гмелинъ нашелъ сходство съ русскимъ. Видѣлъ онъ тутъ и дочь хозяина, выданную замужъ за 18 р. калыма, который, впрочемъ, ея отецъ возвратилъ ея мужу.—У татаръ нѣтъ черныхъ избъ, но въ каждой комнатѣ имѣется два очага, одинъ для приготовленія пищи, другой для отопленія. Ихъ покои выглядятъ оч. чисто. У нихъ нѣтъ ни кроватей, ни подушекъ, а вмѣсто того широкія скамьи (нары) и ковры. Вмѣсто стеколъ служитъ внѣшняя плева желудка теленка. О татарахъ Гмелинъ сохранилъ наилучшее воспоминаніе, между прочимъ потому, что они вездѣ встрѣчали путешественниковъ подарками—ощипаннымъ гусемъ и хлѣбомъ, а въ Ульгѣ, у богатаго сотника, ученые нашли сверхъ того оловянную тарелку меду съ тремя воткнутыми въ нее деревянными лопаточками и другую—съ орѣхами. Въ одной деревнѣ татаринъ поднесъ имъ хлѣбъ и немного пива.—Наконецъ, Гмелинъ описываетъ татарскій музыкальный инструментъ—18-тиструнныя гусли и употребленіе его, а Миллеръ полагаетъ, что какъ самый

инструментъ, такъ и названіе его перешли къ русскимъ и къ другимъ казанскимъ инородцамъ отъ татаръ именно [1]).

Съ *черемисами* Гмелинъ съ Миллеромъ познакомился по пути изъ Казани въ одной деревнѣ, которая по случаю свадьбы была почти поголовно пьяна. Но это дало ему возможность увидѣть праздничные костюмы черемисъ. И тутъ Гмелинъ отмѣчаетъ сходство съ русскими у мущинъ и у старыхъ женщинъ. У молодыхъ онъ описываетъ главнымъ образомъ головные уборы съ ихъ монетами и бляшками (счетными марками), съ кораллами и бусами разныхъ цвѣтовъ. У одной 15-лѣтней дѣвушки вся грудь была покрыта коралловымъ панцыремъ. Эту дѣвушку ея отецъ предлагалъ отдать въ жены за 10 р. калыма, но никто не давалъ больше 5 р., и онъ рѣшилъ оставить дочь у себя до лучшихъ временъ, не отдавши ее и ученымъ, которые въ шутку предложили ему за нее 10 рублей [2]). Особенностью черемисскаго костюма было и пошеніе нѣкоторыми женщинами внизу, на ногахъ, маленькихъ бубенчиковъ.

Недалеко отъ Сарапула путешественники видѣли черемисскую кереметь, священное огороженное заборомъ мѣсто, гдѣ черемисы приносили свои жертвы. Гмелинъ пишетъ о ней, что въ противоположность другимъ инородческимъ кереметямъ, расположеннымъ въ лѣсахъ, эта была на открытомъ полѣ. Но единственная причина этого, по объясненію черемисъ, лежала въ выборѣ черемисскаго кудесника или жреца (Muschan или Muschangetsch). Гмелинъ замѣчаетъ, что выше мушана черемисы чтутъ югтюча (Jügtüsch), обязанность котораго—назначать жертвы, установлять священнодѣйствія, совершать при свадьбахъ нѣкоторыя молитвы въ благословеніе дому и угощать гостей пивомъ и медомъ, пока не покажется ему

---

[1]) «Описаніе»... 1791 г., 80 стр.

[2]) Миллеръ объясняетъ, что размѣръ калыма у «неубогихъ» черемисъ былъ 10, 20 и 30 р., а кунгурскіе черемисы, «которые всѣхъ богатѣе, даютъ (за дѣвку) по 100 и болѣе рублей» («Описаніе»..., 69).

довольно [1]). Путешественникамъ не удалось познакомиться съ черемисскимъ мушаномъ: тотъ, котораго они хотѣли видѣть, сказался уѣхавшимъ.

По словамъ Гмелина, черемисы не говорили ни по русски, ни по татарски; но татары говорили по черемисски. Если это такъ, то было, значитъ, время, когда черемисы обнаруживали большую культурную устойчивость.

Вотяковъ путешественники наблюдали въ деревняхъ: Большой Сарамакъ, Маканъ-Пильга [2]), Ракіе (Raxi, Raxiä), Сиріесъ (Sirijes) нынѣшняго елабужскаго уѣзда. Гмелинъ отмѣчаетъ прежде всего рыжій цвѣтъ волосъ у большинства вотяковъ и вотячекъ [3]). Мужчины и старыя женщины одѣты были, по его словамъ, по русски, молодыя женщины носили русскій кафтанъ, но съ рукавами съ средины разрѣзанными, по польскому образцу, такъ что руки не вдѣты въ нихъ [4]). Обычный головной уборъ вотячекъ, безъ котораго онѣ не появляются, даже будучи разбужены ночью, особаго рода чепчикъ, въ родѣ носившихся незадолго предъ тѣмъ европейскими женщинами фонтанжей. Гмелинъ подробно описываетъ какъ этотъ уборъ, такъ и головной уборъ дѣвушекъ. Съ вотячками путешественники не имѣли случая говорить, такъ какъ и дѣвушки и замужнія женщины очень боязливы.

---

[1]) Ср. у Миллера объ участіи юктюча въ свадебныхъ обрядахъ и въ публичныхъ жертвоприношеніяхъ (ibid., 53. 54. 74).

[2]) Миллеръ замѣчаетъ, что слово «пильга» входитъ въ названіе многихъ вотяцкихъ деревень, но сами вотяки не знаютъ, что оно значитъ (ibid. 8). По сообщенію Н. Ѳ. Катанова, пильга (татар. бильги) значитъ памятникъ, знакъ.

[3]) Проф. И. Н. Смирновъ замѣчаетъ, что хотя всѣ наблюдатели, начиная съ Гмелина и до 60-хъ годовъ XIX ст., говорятъ о рыжихъ волосахъ вотяковъ, теперь у половины вотяковъ, видѣнныхъ имъ въ слободскомъ и глазовскомъ уѣздахъ, онъ нашелъ волосы черные или темнорусые, а у другой бѣлокурые, лишь изрѣдка впадавшіе въ рыжій цвѣтъ, и эту разницу профессоръ объясняетъ вліяніемъ сосѣдей (Вотяки. стр. 87).

[4]) Миллеръ говоритъ объ «особливомъ платьѣ, которое съ низу до верху прорѣзано, а рукава по польскому обыкновенію съ плечъ висячіе, въ которые руки не вздѣваютъ» (ibid., 21). Но рисунокъ № 5 болѣе подходитъ къ описанію Гмелина, чѣмъ Миллера.

У вотяковъ почти нѣтъ религіи. Они вѣрятъ въ Бога, котораго называютъ Inmar и который по ихъ мнѣнію живетъ на солнцѣ [1]). Впрочемъ, вотяки не оказываютъ ему большого почтенія. Если есть нужда, они обращаются къ человѣку, называемому дона (Миллеръ передаетъ это имя Тона или Туно) и имѣющемуся въ каждой деревнѣ. Ему сообщаютъ о своей нуждѣ и у него просятъ совѣта. Онъ представляется знающимъ неизвѣстное прочимъ людямъ. Желая испытать искусство одного изъ этихъ дона, по имени Исхакъ (Ischak), Миллеръ предложилъ ему рядъ вопросовъ, которыми въ концѣ концовъ привелъ его въ большое смущеніе, но на первые два вопроса онъ далъ болѣе или менѣе ловкіе отвѣты. Такъ, когда Миллеръ сообщилъ ему о потерянномъ серебрянномъ бокалѣ и спросилъ, гдѣ онъ, дона, потерши пальцами нюхательный табакъ на ладони и пробормотавши нѣсколько словъ, сказалъ, что онъ забытъ на послѣдней стоянкѣ и что хозяинъ того дома очень желалъ бы, чтобы они вернулись за бокаломъ. Это былъ очень искусный отвѣтъ, такъ какъ имъ снималось подозрѣніе съ ямщиковъ и съ хозяина предыдущей стоянки, хотя вещь совсѣмъ не была потеряна... [2]) Затѣмъ Миллеръ просилъ у него совѣта противъ боли въ боку. Дона опять потеръ табакъ пальцами и спросилъ имя мнимо-больного; ему сказали ненастоящее имя. Дона сообщилъ, что болѣзнь должна перейти къ татарскому абысу (Abiss, мулла), который прочтетъ больному нѣчто изъ корана и тѣмъ поможетъ ему [3]). Но Миллеръ просилъ помощи у самого доны. Тогда онъ потребовалъ чашку водки и долго мѣшалъ въ ней ножомъ

---

[1]) Георги первый въ своемъ Описаніи всѣхъ народовъ (Спб. 1799) называетъ вотяцкое божество его настоящимъ именемъ Inmar, что, по Миллеру, означаетъ небо («Описаніе»..., 82. 83).

[2]) Впрочемъ, самъ Миллеръ говоритъ, что дѣйствительно «нѣкоторая вещь» была потеряна (ibid., 50—51).

[3]) »Чтеніемъ изъ Алкорана, объясняетъ Миллеръ, Татары могометанскаго закона отъ болѣзней своихъ обыкновенно пользуются; да и въ сосѣдствѣ живущіе народы иногда тому же послѣдуютъ« (ibid., 52).

и при этомъ что-то бормоталъ. Выпивъ затѣмъ съ охотой водку, вмѣсто отказавшагося больного, онъ заявилъ, что болѣзнь скоро пройдетъ, но не пожелалъ сказать, какія слова бормоталъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что иначе заговоръ не поможетъ.

Вотяки праздниковъ не имѣютъ, а одинъ изъ нихъ на вопросъ о томъ Гмелина отвѣтилъ, что у нихъ праздникъ— когда есть пиво и водка. Съ своей стороны вотякъ спросилъ, когда бываетъ нашъ праздникъ Roschdowy, подъ каковымъ Гмелинъ не безъ труда узналъ Рождество (Христово). Изъ разговора выяснилось, что это единственный день, который празднуютъ вотяки, [1]) но бываетъ, что чествуютъ они его двумя днями раньше или позже, въ зависимости отъ того, когда сварено будетъ пиво, а иногда просто потому, что не знаютъ точно, когда приходится этотъ праздникъ. Но на вопросъ о смыслѣ праздника вотякъ сказалъ только, что въ этотъ день можно напиться пьянымъ. Гмелинъ пытался было объяснить ему, что это праздникъ въ честь Бога, потому что въ этотъ день родился Тотъ, Кто далъ людямъ вѣчное блаженство, но скоро самъ замѣтилъ безуспѣшность попытки своей, такъ какъ оба они не знали русскаго языка, а проповѣдуемое было не по уму вотяка.

Впрочемъ Гмелинъ не отказываетъ вотякамъ въ природномъ смыслѣ, что̀ наблюдали въ нихъ и другіе изслѣдователи [2]), и въ доказательство сообщаетъ слѣдующій случай. Когда онъ показалъ вотяку карманные часы и сказалъ, что по нимъ можно узнать время дня, вотякъ отвѣтилъ: „Итакъ это должно быть малое солнце, солнышко (solnzuschka)“.

---

[1]) Миллеръ говоритъ еще о двухъ праздникахъ, которые празднуютъ какъ вотяки, такъ и черемисы и чуваши, вслѣдъ за русскими, именно о Пасхѣ и Пятидесятницѣ (40).

[2]) «Всѣ вообще изслѣдователи, говоритъ г. Луппов, съ похвалою отзываются объ умѣ и наблюдательности вотскаго племени» (Христіанство у вотяковъ, изд. 2, 26 стр.).

Гмелинъ говоритъ о бѣдности вотяковъ, что онъ заключилъ изъ того, что въ то время, какъ на каждой предшествующей станціи путешественникамъ предлагался какой-нибудь подарокъ, вотяки только на одной стоянкѣ принесли гуся. Преимущественное занятіе вотяковъ—охота. Охотятся на медвѣдей, лисицъ, волковъ, кабановъ, бѣлокъ. Оружіе—луки и только у немногихъ ружья.

Дальше къ востоку, въ сарапульскомъ уѣздѣ, путешественники нашли другихъ вотяковъ, по упрямству и тупости напомнившихъ имъ финскихъ крестьянъ [1]). На сто вопросовъ они едва отвѣчали однимъ словомъ, какъ будто ничего не понимали; между тѣмъ прежніе, елабужскіе, вотяки видимо старались объясняться съ путешественниками; вѣроятно, сосѣдство съ татарами сдѣлало ихъ болѣе общительными. Можетъ быть отсюда же были и тѣ вотяки — новобранцы, которыхъ Гмелинъ видѣлъ въ Казани при принесеніи ими присяги. Текстъ присяги, произнесенной по русски, ихъ сотникъ долженъ былъ истолковывать по вотяцки, потому что они не знали по русски твердо ни одного слова или изъ упорства не желали понимать. Самая присяга совершалась ими предъ двумя крестообразно сложенными обнаженными шпагами. Каждому новобранцу, подходившему къ шпагамъ, давался чрезъ шпаги омоченный въ соль четырехъугольный кусочекъ хлѣба, который онъ принималъ въ колѣнопреклоненномъ положеніи, а затѣмъ проглатывалъ. Этимъ какъ бы заявлялась готовность тутъ же умереть, если присяга не будетъ исполнена въ точности [2]).

Недалеко отъ Сарапула путешественники видѣли вотяцкую кереметь и опять таки въ открытомъ полѣ. Чѣмъ объ-

---

[1]) Миллеръ относитъ это, повидимому, ко всѣмъ вотякамъ: «Въ вотякахъ примѣтилъ я еще и тотъ порокъ, что они предъ прочими народами весьма упрямы, въ чемъ они паки съ финскими мужиками, какъ и по внѣшнему виду очень много сходствуютъ» (ibid., 14).

[2]) Миллеръ этому обряду придаетъ другое толкованіе: хлѣбомъ съ солью внушается присягающему, что онъ долженъ такъ же совѣстливо стараться о сохраненіи своего клятвеннаго обѣщанія, какъ подлинно желаетъ впредь хлѣбомъ и солью насыщаться» (о. с., 64—65).

яснить такой выборъ мѣста для нея доной. вотяки не могли сказать [1]).

Чуваш Гмелинъ встрѣтилъ при самомъ вступленіи въ предѣлы казанской губерніи. Когда экспедиція прибыла въ Ильинскую Пустынь, оказалось, что плыть дальше помѣшаетъ баркѣ низовой вѣтеръ. Тогда Гмелинъ съ Миллеромъ рѣшили, взявъ съ собой переводчика, двухъ слугъ и четырехъ конвойныхъ солдатъ (изъ коихъ двое оказались изъ крещеныхъ чувашъ), плыть до Чебоксаръ въ лодкѣ, чтобы по пути изучить чувашъ. Въ Чебоксарахъ они хотѣли дождаться судна. Едва отъѣхали они отъ Козмодемьянска 5 верстъ, какъ увидали на горѣ огонь. Узнавъ отъ солдатъ—чувашъ, что тамъ совершается богослуженіе, ученые направились туда чрезъ горы и лѣса. При огнѣ они нашли двухъ чувашъ и вблизи привязанную къ дереву лошадь, на которой они пріѣхали къ этому святому мѣсту. Они заняты были заколотымъ ими бараномъ; на огнѣ вблизи висѣлъ котелъ, въ которомъ варились его внутренности и желудокъ, наполненный жиромъ, кровью и крупой. Къ востоку отъ нихъ находилось четырехъугольное мѣсто, огражденное заборомъ; предъ нимъ чуваши и совершали священнодѣйствіе. Мѣсто это избрано было человѣкомъ, котораго по чувашски зовутъ Iümasse, а по русски—ворожей, ворожея. Этимъ—жреческимъ—званіемъ облекаются лица обоего пола, и при всеобщемъ невѣжествѣ съ нимъ соединяются поводы ко всякаго рода обманамъ. Сила и значеніе этихъ юмысей очень велики. Не встрѣчается у чувашъ никакой болѣзни, никакого несчастія, въ которыхъ не прибѣгали бы къ ихъ помощи и, конечно, за плату. Каждая деревня имѣетъ своего юмыся, а можетъ быть и не одного. Спрошенный о совѣтѣ, юмысь опредѣляетъ жертву, которую должно принести. Если это баранъ, то съ нимъ отправляются на мѣсто, въ

---

[1]) Миллеръ думаетъ, что въ вотяцкихъ деревняхъ между Вяткой и Камой керемети устроены на открытыхъ мѣстахъ потому, что тутъ вотякамъ нечего опасаться кого-бы то ни было изъ другихъ народовъ (ibid., 44).

родѣ описаннаго, тамъ закалываютъ, варятъ внутренности и желудокъ съ кровью, крупой и жиромъ и ѣдятъ, сколько могутъ (а остатки жертвеннаго животнаго берутъ домой и тамъ доѣдаютъ вмѣстѣ съ другими). Затѣмъ совершаютъ богослуженіе, кладутъ деньги, каждый по силѣ возможности, въ щель выдолбленнаго дерева внутри загороженнаго мѣста [1]). Самое богослуженіе они совершаютъ предъ повѣшенной кожей жертвеннаго животнаго, но этотъ обычай долженъ скоро прекратиться, такъ какъ по предложенію русскихъ они стали охотно продавать шкуры. [2])

Чуваши чтутъ одного бога—Тора. Но почитаютъ святымъ и солнце, которому совершаютъ моленія. Есть у нихъ и другіе боги, которыхъ они сравниваютъ съ святыми христіанъ. Каждая деревня имѣетъ своего собственнаго божка (идола, Götzen) и жительство его—въ выше упомянутомъ священномъ мѣстѣ. Деревня, откуда были родомъ два крещеные чуваша—солдата, имѣла бога съ именемъ Бородонъ (ср. Миллеръ, 43). Были ученые и въ самой деревнѣ, но внутрь избы не попали; не узнали также они, съ какой цѣлью была принесена жертва. И вообще ученымъ пришлось узнать немного объ обычаяхъ, языкѣ, нравахъ и образѣ жизни чувашъ, такъ какъ конвойные солдаты, несмотря на крещеніе, чувствовали, повидимому, большую склонность къ сородичамъ и не были расположены выдавать ихъ тайны.

---

[1]) По свидѣтельству Миллера, эти деньги въ опредѣленное время вынимались старшимъ и шли на пирушки или на общіе расходы, но «нынѣ» этотъ обычай сталъ выводиться, такъ какъ чуваши видѣли, что изъ кереметей начали красть деньги (ibid., 60. 61).

[2]) Миллеръ добавляетъ, что чуваши въ предупрежденіе кражи кожъ прорѣзываютъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ножикомъ, чтобы сдѣлать ихъ негодными для другого употребленія, и что кожи жертвенныхъ животныхъ развѣшиваютъ въ кереметяхъ и черемисы и вотяки (56. 57). Въ разъясненіе этого, Н. Ѳ. Катановъ сообщилъ намъ, что у всѣхъ сибирскихъ инородцевъ приносимые ими въ жертву богамъ предметы домашняго обихода ломаются или рѣжутся для обозначенія бренности сего міра и кстати—для избѣжанія похищенія ихъ ворами, преимущественно изъ русскихъ.

Чуваши народъ очень бережливый и по этой причинѣ не употребляющій водки. [1]) Затѣмъ они извѣстны какъ искусные конокрады. Въ Чебоксарахъ путешественникамъ пришлось видѣть нѣсколькихъ попавшихся и отбывавшихъ наказаніе конокрадовъ (ср. Миллеръ, ibid., 13). Въ этомъ городѣ Гмелину и Миллеру мѣстнымъ воеводой была сообщена цифра чувашъ— „этого очень большого племени“: въ округѣ чебоксарскомъ ихъ было болѣе 18 тысячъ, въ козмодемьянскомъ болѣе 10 т., въ цивильскомъ—свыше 12 т., въ свіяжскомъ болѣе 60 т. и въ кокшайскомъ свыше 400 ч. А отъ двухъ позванныхъ съ рынка чувашъ ученые узнали, что чуваши не работаютъ по пятницамъ, но что, несмотря на это, пятница не считается за особенно святой день. [2]) Большой праздникъ у нихъ—одинъ въ году, когда они всѣ вмѣстѣ отправляются въ священное мѣсто, чтобы совершить тамъ богослуженіе. Этотъ день не неподвижный праздникъ, но ежегодно опредѣляется юмасемъ по его произволу. Только эти свѣдѣнія и добыли ученые въ Чебоксарахъ: при плохомъ переводчикѣ большаго не удалось получить, несмотря на то, что путешественники прожили въ этой чувашской столицѣ дольше, чѣмъ предполагали. Случилось же это вслѣдствіе все еще продолжавшагося противнаго вѣтра, мѣшавшаго баркѣ плыть къ Казани. Думая, что судно прошло мимо Чебоксаръ не замѣченнымъ, Гмелинъ съ Миллеромъ рискнули отправиться въ Казань въ лодкѣ и— прибыли туда 18 окт., двумя днями раньше прочихъ членовъ экспедиціи.

Изъ инородцевъ казанской губерніи наилучшее впечатлѣніе на Гмелина произвели татары, какъ по своей опрятности, такъ и по обходительности и общительности, и, наконецъ, по своему сравнительно высокому культурному развитію, оказывавшему вліяніе и на другихъ инородцевъ. Такъ, вотяки (ела-

---

[1]) Ср. у Миллера: «черемисы, такъ и прочіе языческіе народы, равно съ магометанами празднуютъ пятницу яко великой день въ недѣлѣ, въ которой они и никакой работы не отправляютъ» (ibid., 42).

бужскіе) говорили по татарски и по русски. Сами татары старше 30 лѣтъ говорили по русски и по черемисски. У казанскихъ инородцевъ, какъ и у татаръ, нѣтъ черныхъ избъ. Это же говоритъ и Миллеръ: „У сихъ народовъ дворы построены такъ, какъ и у татарскихъ мужиковъ, и тѣмъ разнятся отъ деревенскаго строенія рускихъ мужиковъ; ибо у нихъ нѣтъ черныхъ избъ, но надъ печами и очагами сдѣланы дымовыя окошки и комли“ (о. с., 8). Впрочемъ, Гмелинъ замѣчаетъ, что все же въ избахъ инородцевъ грязно и дымно, такъ какъ они, подобно русскимъ, освѣщаютъ ихъ лучиной. Пищей инородцевъ служитъ мясо лошадиное, коровье, медвѣжье и—бѣлокъ. Вотяки и черемисы ѣдятъ также свинину, хотя рѣдко держатъ свиней [1]).

Кромѣ мѣстныхъ инородцевъ, Гмелинъ съ товарищами имѣли случай видѣть въ Казани и срисовать (у Гмелина помѣщенъ и рисунокъ) двухъ якутовъ, дѣвушку 14 лѣтъ и мальчика 11 лѣтъ. Ихъ везли въ Петербургъ ко двору и они путешествовали уже три года, считая двухлѣтнюю остановку въ Тобольскѣ. Ихъ лица были разукрашены узорами, сдѣланными однако не красками, какъ обычно, а вышитыми цвѣтными нитками, что обнаружилось между прочимъ изъ сличенія ихъ съ узорами, какіе показалъ на своемъ тѣлѣ проф. Кройеръ, которому они были сдѣланы американскими дикарями. Происхожденіе этихъ необыкновенныхъ вышивокъ на человѣческихъ лицахъ, притомъ у якутовъ, у которыхъ татуиро-

---

[1]) Насчетъ свиней у Миллера находимъ слѣд. заявленіе: инородцы вообще по татарскому обыкновенію свиней у себя не держатъ, однако большая часть, живя въ городахъ у русскихъ, ѣсть свинину не отказывается; «напротивъ вотяки кажется охоту до свиней имѣютъ; ибо ихъ сотники и другіе зажиточные люди свиней иногда у себя водятъ»; только изъ чувашъ нѣкоторые брезгуютъ ими. Но ниже Миллеръ говоритъ, что свинымъ мясомъ гнушается большая часть черемисъ (о. с., 22, 54).

ваніе было не въ обычаѣ, объяснилось такъ: къ русскому двору требовались разрисованные люди, но тунгусовъ, у которыхъ такіе узоры были въ ходу, не могли найти, и вотъ узорами были расшиты физіономіи двухъ попавшихся якутовъ [1]).

[1]) Reise durch Sibirien I, 79. 80. Ср. Мат. для ист. имп. акад. наукъ, т. II, стр. 408.

